

Чирнинов А.М. Типология аргументов в конституционном правосудии // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 73-103. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_73

УДК 342

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_73

Типология аргументов в конституционном правосудии

Алдар Мункожаргалович Чирнинов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: chir-aldar@yandex.ru

*Поступила в редакцию 31.01.2025, поступила после рецензирования 18.05.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

В статье рассматриваются различные типологии аргументов, предложенные в юридической науке. Особое внимание уделяется авторским типологиям Ф. Боббитта, Р. Фэллона-младшего, Д. Кеннеди, Р. Алекси, Н. Маккормика, У. Хуна и А. Якаба. Анализируются основания этих типологий и оценивается их применимость для исследования аргументативных закономерностей, характерных для конституционного дискурса. Сравниваются и сопоставляются подходы, используемые обозначенными авторами, а также рассматриваются их сильные и слабые стороны. Также исследуется соотношение различных типов аргументов. Хотя формально их можно упорядочить по абстрактной значимости для правопорядка, в статье доказывается, что невозможно заранее установить строгую иерархию между ними. Сила каждого типа аргументов будет зависеть от конкретного социального и правового контекста. Обобщив существующие типологии аргументов, применяемые в юридическом дискурсе, автор предлагает собственную типологию конституционных

© Чирнинов А.М., 2025

аргументов, которая отвечает требованиям методологического редукционизма и учитывает потребности конституционного нормоконтроля. В работе подчеркивается модальный характер конституционных аргументов. Доказывается, что легитимность каждого типа аргументов основывается на фундаментальной ценности, защищаемой и продвигаемой этим типом аргументов. Кроме того, проведенное исследование помогает лучше понять взаимосвязь аргументации и толкования, поскольку в зависимости от усилий, прилагаемых для понимания смысла правовых норм, можно выделить интерпретативные аргументы и аргументы неинтерпретационного характера. Показывается, что все обозначенные типологии отражают рассуждения о должном и тем самым направлены на выявление смыслов, заложенных в нормативных текстах. По результатам анализа представленных типологий аргументов и особенностей конституционного нормоконтроля предлагается выделять четыре основных типа конституционных аргументов: текстуальный аргумент, интенциональный аргумент, аргумент к последовательности и прагматический аргумент.

Ключевые слова: типология аргументов; конституционно-судебная аргументация; конституционное правосудие; конституционный дискурс; конституционность; нормоконтроль

Typology of Arguments in Constitutional Justice

Aldar M. Chirninov

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: chir-aldar@yandex.ru

Received 31.01.2025, revised 18.05.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. The article examines various typologies of legal arguments, focusing on those developed by prominent scholars such as Philip Bobbitt, Richard Fallon Jr., Duncan Kennedy, Robert Alexy, Neil McCormick, Wilson R. Huhn, and András Jakab. It analyzes the foundations of these typologies, assessing their applicability in explaining the argumentative patterns found in constitutional discourse. The author compares and contrasts the approaches taken by these scholars, examining their strengths and weaknesses, as well as exploring the relationships between different types of arguments. Despite the fact that they can be formally ordered by abstract significance for the legal system, the article acknowledges that it is difficult to establish a strict hierarchy among them in advance, as the strength of each argument type will depend on the specific social and legal context. After summarizing the existing typologies of arguments used in legal discourse, the author proposes his own typology of constitutional arguments that meets the requirements of methodological reductionism and takes into account the features of constitutional review. The article emphasizes the modal nature of constitutional arguments and argues that the legitimacy of each type of argument depends on the fundamental values defended and promoted by that type. It also helps to better understand the relationship between argumentation and interpretation, as it distinguishes between interpretative and non-interpretative argu-

ments depending on the efforts made to understand the meaning of legal norms. All the studied typologies are aimed at identifying the meanings embedded in normative texts. Based on the analysis of the different types of arguments and the characteristics of constitutional review, the author identifies four main categories of constitutional arguments: textual arguments, intentional arguments, arguments based on consistency, and pragmatic arguments.

Keywords: typology of arguments; constitutional argumentation; constitutional justice; constitutional discourse; constitutionality; judicial review

For citation: Chirninov A.M. Typology of Arguments in Constitutional Justice, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 73-103. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_73

Введение

Проверка конституционности нормативных положений требует прежде всего уяснения смысла конституционных установлений применительно к конкретной правоприменительной ситуации. Однако уяснить этот смысл можно по-разному, прибегая к различным аргументативным средствам. В контексте обоснования конституционно-судебных решений речь идет об использовании и сочетании различных типов аргументов для достижения наилучшего интерпретационного результата.

Типологизация является важным инструментом в процессе познания. Она помогает установить взаимосвязи между различными категориями объектов, а в контексте аргументации – между различными категориями аргументов. Благодаря этому появляется возможность сравнивать их потенциал и фиксировать, какого рода суждения оказываются наиболее востребованными в конкретных нормативных контекстах и почему. В свою очередь, это позволяет участникам конституционно-судебного разбирательства приводить наиболее действенные аргументы и эффективнее добиваться необходимых изменений в системе правового регулирования.

Также важно отметить, что адекватная типология помогает обнаружить закономерности, которым подчиняются отдельные категории аргументов. Изучение этих закономерностей способствует более глубокому пониманию природы конституционных аргументов, выявлению их легитимирующего основания для конкретного дискурса и описанию особенностей их конструирования. Это особенно важно для обеспечения объективности при оценке аргументов в конституционном правосудии и для выполнения основного предназначения конституционно-судебной аргументации – усиления конституционной нормативности и более глубокого раскрытия нормативного потенциала конституционных положений (Чирнинов 2022: 59).

Какие типы аргументов было бы разумно выделять в контексте судебного контроля за конституционностью нормативных положений? Какие в принципе аргументы можно использовать для обоснования представлений о конституционно должном? Что конкретно придает вес тому или иному типу аргументов и как они конкурируют между собой? Отвечая на эти вопросы, необходимо проанализировать представленные в юридической

науке типологии правовых аргументов, оценить обоснованность выделения соответствующих аргументов и предложить собственную их типологию с учетом особенностей, присущих конституционному правосудию.

Прежде чем начать исследование типологий аргументов, следует подчеркнуть, что конституционно-судебная аргументация, безусловно, обладает всеми чертами именно практической аргументации. Ее основной задачей выступает обоснование того, «как нужно поступать в той или иной ситуации, или почему необходимо поступать именно так» (Лисанюк 2018: 6) с точки зрения конституционных стандартов правового нормирования. Иными словами, выстраиваемые рассуждения должны давать ответ на вопрос, является ли спорное нормативное положение конституционно корректным и действительным. В этом смысле в конституционном правосудии аргументы помогают найти и обосновать наиболее приемлемое с конституционной точки зрения решение рассматриваемой юридической проблемы.

1. Типология юридических аргументов

Предлагается рассмотреть типологии аргументов, предложенные в юридической науке, уделив особое внимание типологиям Ф. Боббитта, Р. Фэллона-младшего, Д. Кеннеди, Р. Алекси, Н. Маккормика, У. Хуна и А. Якаба. Выбор данных авторов обусловлен фундаментальным характером их научных трудов, а также общепризнанностью их вклада в теорию юридической аргументации.

Типология аргументов Ф. Боббитта

Американский конституционалист Ф. Боббитт, проанализировав конституционный дискурс, выделил шесть типов аргументов: исторический аргумент, текстуальный аргумент, структурный аргумент, аргумент к благоразумию (пруденциальный аргумент), доктринальный аргумент и этический аргумент (Bobbitt 1984). Основанием выделения данных типов аргументов стало то, что они позволяют обеспечить обоснованное выведение правил поведения из конкретных конституционных положений. Это, в свою очередь, преследует цель гарантировать легитимность конституционно-судебного контроля (Bobbitt 1984: 3, 6) и избежать ситуаций, когда конституционно-судебные решения «мотивированы предрассудками, привычками, капризами, невысказанными убеждениями и так далее» (Bobbitt 1984: XVI). Важно отметить, что, будучи американским исследователем, Ф. Боббитт приводит примеры, основанные исключительно на правовой системе США.

Открывает типологию Ф. Боббитта исторический аргумент, который, по его мнению, призван «подтверждать намерения составителей Конституции и людей, ее принявших» (Bobbitt 1984: 7). Данный тип аргументов основывается на идее первичности воли тех, кто разрабатывал и принимал конституцию. Цель исторического аргумента – продемонстрировать, какой смысл первоначально закладывался в каждый фрагмент конституционного текста, какие подходы к решению различных вопросов подразумевались

и что скрывается за определенными словами и формулировками. В этом контексте исторический аргумент служит защите «изначального понимания конституционных положений» (англ. *original understanding*) (Bobbitt 1984: 9).

Легитимирующее значение исторического аргумента Ф. Боббитт связывает с тем, что «Конституция была предложена совещательным органом, за нее велась кампания, и она была ратифицирована народом, а не навязана ему или объявлена указом» (Bobbitt 1984: 230). В этом контексте исторический аргумент приобретает особую значимость в правопорядках, где в процесс принятия конституции вовлекалось множество заинтересованных субъектов, уполномоченных предлагать и принимать соответствующие формулировки. Кроме того, значимость данного типа аргументов обусловлена тем, что конституция является историческим документом, отражающим контекст своей эпохи, и этот контекст не должен игнорироваться.

Текстуальный аргумент раскрывает нормативный смысл конституционных положений, опираясь на значение использованных слов и выражений, которые были бы понятны среднестатистическому гражданину. Рассматривая легитимирующее значение текстуального аргумента (Bobbitt 1984: 33), Ф. Боббитт отмечает, что его сила определяется «реакцией на непоследовательность, которая возникла бы, если бы ясные слова определенной части текста – даже если они не относятся к конкретной проблеме – были проигнорированы, и Суд одобрил бы толкование, несовместимое с этими словами» (Bobbitt 1984: 38).

При этом он справедливо отмечает, что конституционный текст не существует изолированно, вне социального контекста. В этом смысле текстуальный аргумент можно рассматривать как «клапан, через который современные ценности могут быть интегрированы в Конституцию» (Bobbitt 1984: 36). В качестве примера автор приводит понятие торговли (англ. *commerce*), указывая, что современное значение этого слова значительно шире, чем было сто лет назад, учитывая заметное усложнение экономических отношений и торговых связей. Одновременно с этим Ф. Боббитт указывает на «отупляющую жесткость» и ригидность текстуальных аргументов, иллюстрируя это на примере длительных, поначалу безуспешных попыток подвести прослушивание телефонных разговоров под действие Четвертой поправки к Конституции США, которая в своем тексте упоминает лишь обыски и аресты (Bobbitt 1984: 36).

Цель *структурного аргумента* заключается в том, чтобы «извлечь выводы из отношений, которые Конституция устанавливает между структурами, которые она создает» (Bobbitt 1984: 74). По мнению Ф. Боббитта, его востребованность связана с тем, что «Конституция устанавливает три основополагающие структуры власти: трехветвевую систему национального правительства, двухуровневую систему федерализма и отношения между гражданином и государством» (Bobbitt 1984: 230). Объясняя значение структурного аргумента в конституционном дискурсе, автор анализирует споры о распределении властных полномочий как по горизонтали, так и по вертикали, а также о допустимости наделения отдельных органов публичной власти определенными полномочиями.

Можно предположить, что выделение этого типа аргументов связано с тем, что в американской практике часто возникают конституционные споры, вытекающие из принципов разделения властей и федерализма. Однако неясно, почему апеллирование к особенностям структуры властеотношений нельзя отнести к текстуальным аргументам. В этом плане Ф. Боббитт признает, что структурный аргумент основывается на конституционном тексте, однако отмечает, что «в отличие от текстуальных аргументов, важны не те отрывки, которые прямо предоставляют полномочия или конкретные запреты, а те, которые, устанавливая определенные структуры, позволяют нам определить требования к отношениям между этими структурами» (Bobbitt 1984: 80).

Далее Ф. Боббитт выделяет *этический аргумент*, «сила которого опирается на особенности американских институтов и роль в них американского народа». В рамках данного аргумента «[и]менно дух, или этос, американского государства становятся источником, из которого вытекают конкретные решения» (Bobbitt 1984: 94). При этом автор сразу оговаривает, что под этическими аргументами он не подразумевает моральные аргументы. Скорее, речь идет о конституционно значимых идеях, отражающих американский дух и к которым, в частности, относится «идея ограниченного правления, презюмирующая, что вся остаточная власть (англ. *residual authority*) принадлежит частной сфере» (Bobbitt 1991: 20). По сути, автор имеет в виду глубинные ценности, которые присущи тому или иному обществу и которые, хотя формально не закреплены в конституции, имеют фундаментальное правовое значение.

Аргумент к благоразумию, или пруденциальный аргумент (англ. *prudential argument*), представляет собой утверждение, содержащее оценку соотношения затрат и выгод, связанных с конкретным правилом. Как отмечает Ф. Боббитт, когда происходит столкновение равных конституционных ценностей, ни один текст не может заранее определить, какая из них должна иметь приоритет. В таких ситуациях «ключевым становится вопрос благоразумия, и требуется оценить необходимость действия с учетом его возможных издержек» (Bobbitt 1991: 61). Именно по этой причине в рамках пруденциального подхода важными факторами принятия решений становятся социально-политические и экономические обстоятельства.

Наконец, Ф. Боббитт выделяет *доктринальный аргумент*, имея в виду обращение к судебным прецедентам, содержащим результаты толкования Конституции (Bobbitt 1991: 18). Данный тип аргумента подтверждает приверженность к ранее высказанным нормативным суждениям суда, которые «срослись вокруг различных конституционных положений» (Bobbitt 1984: 41), и предполагает необходимость уважения судебных предписаний, вынесенных в установленной процедуре, как общеобязательных – до тех пор, пока они не будут надлежащим образом пересмотрены (Bobbitt 1984: 42). Исходя из этого, доктринальный подход к обоснованию конституционно-судебных решений отражает, по мнению автора, «не просто верховенство права, но и правление обоснованного, апелляционно продуцированного и письменно-мотивированного права» (Bobbitt 1984: 42). Важно подчер-

кнуть, что доктринальный аргумент не только предполагает соблюдение принципа *stare decisis*, но допускает возможность, а в иной раз и требует пересмотра соответствующих прецедентов (Bobbitt 1991: 20). При этом Ф. Боббитт добавляет, что доктринальный аргумент охватывает не только судебные прецеденты, но также прецеденты других институтов, включая практику главы государства (Bobbitt 1991: 18).

Важным наблюдением Ф. Боббитта является то, что каждый тип аргументов отражает определенную конституционную модальность – то есть выражает отношение к «правильности утверждений о должном с точки зрения конституции» (Bobbitt 1991: 12). Данные конституционные модальности могут конкурировать и зачастую конкурируют друг с другом. В качестве примера такой конкуренции Ф. Боббитт приводит концепцию позитивных действий (англ. *affirmative action*). В пользу этой концепции выступает соображение о снижении негативных последствий расовой дискриминации (пруденциальный аргумент), а против – тезис о нарушении принципа равенства (текстуальный аргумент) (Bobbitt 1991: XIV).

Типология аргументов Р. Фэллона-младшего

Одним из наиболее выдающихся конституционалистов, занимавшихся типологизацией конституционных аргументов, является Р. Фэллон. Его интерес к данной теме был продиктован стремлением найти решение проблемы сопоставимости аргументов, используемых для обоснования конституционно-судебных решений (Fallon 1987: 1191-1192). Это стремление весьма похвально, поскольку вопрос о том, как аргументы определяют границы конституционно должного и как различные их типы соотносятся друг с другом, является одним из ключевых в науке конституционного права.

В своей типологии Р. Фэллон особое внимание уделяет *аргументам, основанным на конституционном тексте*, которые исходят из того, что понимание конституционных норм и принципов должно формироваться с помощью авторитетного текста. При этом если этот текст является ясным и недвусмысленным, то его одного будет достаточно для разрешения спора. Однако, когда «текст неоднозначен и расплывчат, можно обратиться к другим источникам, чтобы прояснить его значение» (Fallon 1987: 1195).

Важно отметить, что Р. Фэллон различает два типа текстуальных аргументов: *аргумент о тексте* и *аргумент к тексту*. Он пишет: «В некотором смысле все конституционные аргументы, включая, например, ссылки на прецедент и намерения создателей конституции, касаются текста и его значения» (Fallon 1987: 1195). Аргумент к тексту отличается от аргумента о тексте тем, что он направлен на извлечение нормативного смысла «через прямое обращение к понятному языку Конституции», который «требует или не допускает определенного вывода независимо от того, что можно сказать об этом выводе по другим основаниям» (Fallon 1987: 1195). Таким образом, если конституционно-судебное решение основывается исключительно на тексте конституции, то в его основе лежит аргумент к тексту.

В то же время, как отмечает Р. Фэллон, аргумент к тексту не всегда позволяет разрешить все сложные вопросы, которые возникают в рамках конституционного правосудия, и он связывает это с краткостью самой конституции.

Ко второй группе конституционных аргументов Р. Фэллон относит утверждения о намерениях авторов конституции (конституционного законодателя) (Fallon 1987: 1198). При этом, несмотря на существование многочисленных доктринальных споров относительно того, какой аргументативный вес должен придаваться конституционным намерениям, ученый признает их неоспоримую значимость в практике Верховного суда США (Fallon 1987: 1198). Он отмечает, что в некоторых случаях намерения авторов Конституции могут быть решающим фактором, а других – не играть никакой роли, даже имея непосредственное отношение к рассматриваемому спору.

Р. Фэллон отмечает, что намерения создателей конституции могут быть более и менее конкретными. С одной стороны, есть случаи, когда разработчики четко представляли, как должны решаться определенные дела. Например, к весьма конкретным можно отнести усилия по защите свободы слова. Как отмечает Р. Фэллон, авторы Первой поправки к Конституции США «преследовали четкую и осознанную цель запретить предыдущие ограничения на публикацию» (Fallon 1987: 1199), что, безусловно, предопределяет более высокий уровень конституционных ограничений для законодателя в обозначенном контексте.

Что касается абстрактных намерений, то они представляют собой цели, сформулированные «на более высоком уровне обобщения, и иногда приводят к последствиям, которые разработчики конституции не ожидали» (Fallon 1987: 1199). Например, авторы Четырнадцатой поправки к Конституции США, гарантирующей принцип равной защиты, не имели в виду отмену сегрегации в общеобразовательных учреждениях. Однако в целом они стремились к тому, чтобы градус дискриминации постепенно снижался и установился «режим, в котором белые и черные получают равную юридическую защиту» (Fallon 1987: 1199). Очевидно, что конкретные намерения имеют большее регулятивное значение, чем абстрактные рассуждения о должном и справедливом.

Третью группу аргументов составляют формирующие аргументы конституционной теории (англ. *arguments of constitutional theory*) – «суждения, касающиеся ценностей, целей и содержания государствоведческой теории, которые делают более понятными Конституцию и некоторые элементы ее языка и структуры» (Fallon 1987: 1200). Другими словами, данный тип аргументов обращается к теоретическим концепциям, которые углубляют наше понимание смысла конституционного текста.

Р. Фэллон отмечает, что аргументы конституционной теории можно разделить на несколько видов в зависимости от их масштаба. Они могут касаться как конституции в целом, так и ее отдельных положений. Целостные концепции могут объяснять саму природу конституции и затрагивать такие глобальные вопросы, как роль судов в системе разделе-

ния властей, пределы конституционного контроля и т.д. Что касается более конкретных теорий, то наиболее ярким примером является концепция рынка идей (англ. *marketplace of ideas*), с помощью которой Верховный суд США раскрывает содержание и предназначение права на свободу слова. Конечно, Первая поправка к Конституции США может быть истолкована и без использования метафоричных образов, однако это приведет к значительному снижению нормативного потенциала конституционного текста. Поэтому, как отмечает Р. Фэллон, соответствующие рассуждения должны не только объяснять смысл конституционных гарантий, дозволений и запретов, но и делать это, по его выражению, «нормативно привлекательным способом» (Fallon 1987: 1202).

Аргументы конституционной теории во многом напоминают производные конституционные нормы. Для их использования в конституционном правосудии требуется обосновать применимость конкретной теории к рассматриваемой правоприменительной ситуации с непосредственной опорой на текст конституции. Кроме того, нужно четко определиться с целью, которую преследует концептуализируемая конституционная норма. Основная сложность обращения к положениям конституционной теории заключается в том, что конституционный «текст настолько лаконичен, что он зачастую не позволяет сформулировать только одну теорию, но согласуется с несколькими» (Fallon 1987: 1201). Более того, сами теории могут носить противоречивый характер и не иметь общепринятого содержания.

Четвертая группа аргументов связана с апелляцией к прецеденту. Автор отмечает, что «конституционные споры нередко сопровождаются глубоким анализом значений судебных прецедентов» (Fallon 1987: 1203). Это обусловлено тем, что ранее принятые конституционно-судебные решения могут содержать результаты толкования конституционных положений. Поэтому их необходимо учитывать при обсуждении вопросов, связанных с границами конституционно должного. Важность этого типа аргументов обусловлена тем, что конституционно-судебное решение вносит нормативный вклад в систему действующего правового регулирования и формирует элемент правопорядка. Соответственно, в случае отхождения от содержащегося в нем предписания необходимо продемонстрировать отличия рассматриваемого дела (Fallon 1987: 1203, 1261).

В пятую группу аргументов Р. Фэллон включает ценностные аргументы (англ. *value arguments*), понимая их довольно узко лишь как «утверждения о моральной или политической значимости фактов или о нормативной желательности [определенных] результатов» (Fallon 1987: 1205). По мнению автора, ценностные аргументы позволяют определить, что является «хорошим или плохим, желательным или нежелательным в соответствии с некоторым стандартом, который не зависит от требований конституционного текста» (Fallon 1987: 1205). Однако это не означает, что ценностные аргументы приобретают автономность от конституционных стандартов правового нормирования. Скорее, они служат инструментом для извлечения нормативных смыслов из уже сконструированных конституционных положений. В качестве примеров Р. Фэллон приводит положение о надлежащей правовой

процедуре, положение о равной защите, запрет на необоснованные обыски и аресты, гарантию защиты от жестоких и необычных наказаний. Очевидно, что разные субъекты могут вкладывать в оценочные понятия неодинаковый смысл, который во многом будет диктоваться системой ценностей лица, принимающего решение (Fallon 1987: 1205).

Кроме того, автор выделяет вторую разновидность ценностных аргументов. Если первая используется «для придания конкретного смысла конституционным положениям, которые непосредственно требуют оценочных суждений», то вторая разновидность влияет на процесс принятия решений, опираясь на другие типы конституционных аргументов (Fallon 1987: 1207). В частности, при использовании аргументов конституционной теории важно учитывать теоретико-правовые взгляды судей.

Наконец, Р. Фэллон анализирует, из каких источников черпаются суждения о ценностях. К числу внешних (а потому более объективных) источников автор относит традиционную мораль, естественное право и экономическую эффективность (Fallon 1987: 1208). Также возможна ситуация, когда судья руководствуется внутренними представлениями, но это обстоятельство, как правило, особо не артикулируется (Fallon 1987: 1209).

В целом Р. Фэллон признает существование определенной иерархии между типами аргументов. По умолчанию она выстраивается именно в том порядке, в каком приведены обозначенные выше типы аргументов (Fallon 1987: 1244-1246). Вместе с тем автор отмечает, что в зависимости от контекста конкретный тип аргументов может иметь решающее значение вопреки своему месту в обозначенной иерархии (Fallon 1987: 1235-1236, 1241-1242). Кроме того, Р. Фэллон признает внутреннюю связанность ряда типов аргументов (например, текстуального аргумента и аргумента конституционной теории, текстуального аргумента и аргумента к прецеденту, текстуального аргумента и аргумента к намерениям и т.д.) (Fallon 1987: 1238-1239) и связывает качество аргументации с уровнем их сопряженности и конструктивистской последовательности (англ. *constructivist coherence*) (Fallon 1987: 1240).

Типология аргументов Д. Кеннеди

Типология аргументов, предложенная Д. Кеннеди, была разработана в контексте разрешения сложных споров, когда, среди прочего, требуется устранить пробелы, коллизии и недвусмысленности, которые присутствуют в действующем регулировании, прежде чем выносить юридическое решение посредством соотнесения права с фактами.

Д. Кеннеди выделяет две категории аргументов: *субстантивные* и *системные*.

Категория *субстантивных* аргументов включает в себя моральные аргументы, аргументы к правам, аргументы к социальному благополучию (полезности) и аргументы к ожиданиям. Категория *системных* аргументов, по мнению Д. Кеннеди, складывается из аргумента к практичности и аргумента к институциональной компетентности (Kennedy 1994: 326-329).

В своей работе Д. Кеннеди не раскрывает подробно содержание различных типов аргументов. Однако эту задачу можно решить, анализируя конкретные утверждения, которые относятся к каждому из этих типов, и выявляя основания, по которым они были классифицированы.

В качестве примера морального аргумента Д. Кеннеди приводит следующие утверждения: «нет ответственности без вины», «обещания должны соблюдаться», «истец должен позаботиться о своих собственных интересах» (Kennedy 1994: 327), «вред является ожидаемой стоимостью ведения бизнеса», «вред невинным потерпевшим должен быть компенсирован» (Kennedy 1994: 334). Данный тип аргументов направлен на обеспечение моральной обоснованности права. В основе этих суждений лежат нравственные принципы, основанные на представлениях о социальной справедливости, о добре и зле и т.д. Эти суждения, подобно правовым, имеют деонтический характер и отражают пространство должного.

Говоря об аргументах к правам, Д. Кеннеди заявляет парные конкурирующие утверждения о том, что «люди имеют право быть защищенными от (такого рода) вреда» и что «люди имеют право на свободу (такого рода) действий» (Kennedy 1994: 328). В этих утверждениях можно увидеть конкуренцию между правами, а также ценность баланса интересов и определения приоритета прав в зависимости от конкретных обстоятельств. Кроме того, приводимые автором примеры показывают, что данный аргумент может обосновывать существование того или иного права и возможность его реализации в конкретной правоприменительной ситуации (Kennedy 1994: 330).

В качестве примеров аргументов к социальному благополучию Д. Кеннеди приводит конкурирующие суждения о том, что «правовая защита результатов труда стимулирует производство» и что «правовая защита подавляет конкуренцию на рынке идей и товаров», а также о том, что «ответственность заставит лицо принять меры предосторожности» и что «ответственность будет препятствовать [социально] желательной деятельности лица» (Kennedy 1994: 328). В этих суждениях можно выделить три аспекта. Во-первых, подобные аргументы предполагают определение содержания интересов общества в целом и оценку полезности различных вариантов поведения. Во-вторых, они описывают реальные последствия, которые могут возникнуть в случае выбора конкретного регулирования. В-третьих, они носят прогностический характер и требуют дополнительного обоснования причин, по которым соответствующие прогнозы могут воплотиться в жизнь.

Что касается аргумента к ожиданиям, то, судя по приводимым примерам, он направлен на формирование доверия граждан к правовым предписаниям и удовлетворение общественных ожиданий, связанных с содержанием правового регулирования. Ожидания имеют важное значение, поскольку они непосредственно влияют на готовность соблюдать нормативные требования.

В качестве примеров аргумента к практичности Д. Кеннеди приводит, в частности, суждения о том, что «предлагаемое решение будет легко

администрировать» и что «предлагаемое решение не обладает должной гибкостью» (Kennedy 1994: 328). По сути, здесь речь идет о возможности полноценной реализации нормативного решения.

Наконец, в рубрике аргументов к институциональной компетентности Д. Кеннеди приводит такие утверждения, как «роль судов заключается в применении закона, а не в его создании», и «общее право развивается в соответствии с изменяющимися социальными условиями» (Kennedy 1994: 332). В этой же рубрике выделяется утверждение о том, что «общее право развивается в соответствии с изменяющимися социальными условиями, и только законодательная власть обладает всей необходимой информацией для принятия взвешенных решений» (Kennedy 1994: 330). Соответственно, аргумент к институциональной компетентности предполагает необходимость четкого определения полномочий различных органов, прежде всего судов *vis-à-vis* с правотворческими органами.

В целом стоит отметить, что типология аргументов Д. Кеннеди касается политико-правовой аргументации, когда существуют нормативный выбор и пространство для формирования суждений о должном. Аргументы в рамках этой типологии позволяют отдать предпочтение тому варианту нормативного решения, который в наибольшей степени отвечает ценностям, защищаемым соответствующими типами аргументов.

Типология аргументов Р. Алекси

Нужно отметить, что типология аргументов, предложенная немецким конституционалистом Р. Алекси, конструировалась в контексте юридической аргументации в целом. Это означает, что его теоретические разработки в меньшей степени учитывают особенности конституционного нормоконтроля. В то же время предложенная им типология аргументов достаточно универсальна, чтобы охватить ключевые аспекты конституционно-судебной аргументации.

Для лучшего понимания подхода Р. Алекси к конструированию типологии аргументов важно рассмотреть основные постулаты его теории юридической аргументации. В основе этой теории лежит деление обоснования на внутреннее (англ. *internal justification*) и внешнее (англ. *external justification*). Такое деление интуитивно понятно: внутреннее обоснование имеет форму простого логического силлогизма, состоящего из определенных посылок (Alexy 2011: 221-222); внешнее обоснование направлено на то, чтобы продемонстрировать состоятельность посылок, применяемых в этом силлогизме (Alexy 2011: 230).

Согласно позиции Р. Алекси, логический силлогизм является наиболее удачным воплощением принципа универсализации аргументации. По его мнению, решение юридического спора в любом случае должно основываться хотя бы на одной «универсальной норме», а также логически не противоречащих ей утверждениям.

В рамках внутреннего обоснования «универсальной нормой» можно считать любое правило поведения – правовую норму, которая, исходя

из соображений универсальности, должна применяться одинаково ко всем лицам, относящимся к одной категории. В этом контексте «универсальная норма» выступает большей посылкой логического силлогизма. Меньшей его посылкой выступает эмпирический факт о том, что какое-либо конкретное лицо относится к категории лиц, указанной в гипотезе правовой нормы.

Главную задачу внутреннего обоснования Р. Алекси усматривает в раскрытии аргументирующим лицом всех посылок, на основе которых он принимает юридическое решение (Alexy 2011: 230) (судя по всему, именно поэтому Р. Алекси описывает принципы внутреннего обоснования с использованием наглядного языка логики). В правовых рассуждениях это имеет особо важное значение и обеспечивает прозрачность аргументации, раскрытие мотивов субъекта, принимающего решение, что способствует поддержанию доверия граждан к действиям государства. При этом выявление всех посылок для принятия решения принципиально для немецкого правоведа по той причине, что каждая из посылок должна пройти процедуру внешнего обоснования.

Внешнее обоснование занимает центральное место в теории аргументации Р. Алекси. Оно позволяет определить, насколько пригодна та или иная посылка для ее использования в ходе внутреннего обоснования: является ли данная посылка правовой нормой, юридическим прецедентом, релевантным эмпирическим фактом, иным значимым соображением, или же она является продуктом произвола, которая не может быть положена в основу решения. Здесь, отмечает автор, «может возникнуть необходимость в толковании правил, определяющих критерии действительности» (Alexy 2011: 230).

Поэтому в рамках внешнего обоснования Р. Алекси формулирует правила толкования закона (позитивного права), применения прецедентов, общего практического рассуждения (по его выражению, «аргументации к разуму») и эмпирической аргументации (Alexy 2011: 231-232). Отдельно им рассматриваются специфические формы юридической аргументации (аргумент к абсурду, аргументация от противного, аргумент к прецеденту). Также особое внимание автор уделяет канонам толкования.

Р. Алекси выделяет следующие типы аргументов: семантический аргумент, генетический аргумент, исторический аргумент, сравнительный аргумент, системный аргумент и телеологический аргумент (Alexy 2011: 231-232).

Семантический аргумент сосредотачивается на уяснении смысла слов и выражений, использованных в правовой норме, отчего близок апеллированию к буквальному смыслу нормы. Автор здесь прямо указывает на значение словарей для использования этого аргумента, апелляцию к собственной лингвистической компетентности. Однако сам Р. Алекси замечает, что зачастую семантического инструментария недостаточно для принятия обоснованного решения и его использование не исключает необходимости изучения, например, намерений, которыми руководствовался законодатель, используя те или иные выражения.

Генетический аргумент удостоверяет намерение законодателя и цели, которые он преследовал на момент, когда вводил норму в правовое

регулирование. Этому аргументу созвучен *телеологический аргумент*, выделяемый Р. Алекси, однако между ними имеется существенное различие. Последний вид толкования отличается от генетического тем, что направлен на учет не реальных целей, которые законодатель преследовал при введении нормы, а тех целей, которые объективно преследовал бы рациональный субъект на месте законодателя в условиях действующего правового порядка (Alexy 2011: 241).

Исторический аргумент с позиций Р. Алекси сводится к тому, что аналогичное решение возникшей ситуации уже применялось в прошлом. В частности, исторический аргумент помогает указать на последствия принятия таких решений, которые оказались деструктивными и ныне являются нежелательными. Иными словами, исторический аргумент по Р. Алекси предостерегает от повторения неудачного опыта разрешения аналогичных или схожих правовых ситуаций. В интерпретации Р. Алекси с данным типом аргументов схож *сравнительный аргумент*: по его мнению, как и в случае с историческим аргументом, он включает в себя, по крайней мере, одну нормативную посылку, а также множество эмпирических (только имеет своим основанием положение дел не в прошлом, а в другой юрисдикции) (Alexy 2011: 239-240).

Особое значение Р. Алекси придает *системному аргументу*, который призван продемонстрировать логическую связь между различными правовыми нормами. Это важно в контексте высокой роли логических аспектов аргументации в теории Р. Алекси. Также системный аргумент может демонстрировать не только логические, но и телеологические связи между нормами, однако в таком случае он становится ближе к телеологической аргументации. Важнейшей сферой применения системного аргумента автор называет демонстрацию противоречия между нормами и возникновения коллизии (Alexy 2011: 240).

В своей теории Р. Алекси останавливается на таких проблемных вопросах юридической аргументации, как пределы применимости правовых принципов, их логическое значение, соотношение их между собой и т.д. Это имеет большое значение в рамках конституционно-судебного дискурса, где аргументация, как правило, строится на основе баланса конституционных принципов и ценностей. Наиболее важным требованием Р. Алекси к аргументации является принцип насыщенности аргументации (англ. *requirement of saturation*). Насыщенность определяется правоведом как «полное изложение причин», по которым требуется принять именно такое решение (Alexy 2011: 246). В логической плоскости это означает, что аудитории должны быть раскрыты все логические посылки заключения, с тем чтобы избежать впечатления голословности выдвигаемых утверждений.

Что касается соотношения типов аргументов между собой, Р. Алекси не исключает приоритета одних аргументов перед другими – однако при условии, что будут сформулированы рациональные правила их взвешивания (англ. *weighting rules*). Они, конечно, не претендуют на универсальность, поскольку зависят от аргументационного контекста и конкретной отрасли права (Alexy 2011: 249). В качестве общего правила Р. Алекси предлагает ис-

ходить из того, что аргументы, основанные на буквальном смысле закона и целях, преследуемых законодателем, «имеют приоритет над другими аргументами, если только не будут приведены рациональные основания для того, чтобы отдать предпочтение другим аргументам» (Alexy 2011: 249).

В целом Р. Алекси настаивает на том, что правила аргументативного дискурса должны лишь увеличивать вероятность получения «корректного, то есть рационального или разумного результата в любой дискуссии» (Alexy 2011: 248). Наряду с требованием насыщенности, требования рациональности и обоснованности выступают ключевыми критериями качества аргументации.

Типология аргументов Н. Маккормика

Весьма интересный взгляд на типологию аргументов был предложен британским правоведом Н. Маккормиком, занимавшимся проблематикой юридической аргументации на протяжении нескольких десятилетий и издавших ряд крупных монографических работ (MacCormick 1978; MacCormick 2005; MacCormick 2008). Зафиксировав, что интенсивность и разнообразие аргументативных усилий зависит от сложности разрешаемого правового вопроса, шотландский правовед предложил подразделять процесс обоснования решения на обоснование первого порядка и обоснование второго порядка (англ. *first and second order justification*). Обоснование первого порядка имеет место, когда в заданном социальном контексте имеется однозначное понимание подлежащей применению нормы, что позволяет разрешить дело путем дедуктивного умозаключения. Однако если подобная нормативная ясность отсутствует или правовое регулирование характеризуется противоречивостью, то для выстраивания успешного дедуктивного рассуждения не хватит переменных. Поэтому построению юридического силлогизма должно предшествовать конструирование необходимых посылок (здесь можно провести явные параллели с подходом Р. Алекси, который выделяет внутреннее и внешнее обоснование). Прежде всего это происходит путем решения возникших сложностей с интерпретацией, что осуществляется именно в рамках обоснования второго порядка (MacCormick 1978: 100).

Необходимость обоснования второго порядка проявляется в ситуациях, когда возникают сложности с уяснением содержания правовой нормы в конкретном контексте, имеются сомнения в ее применимости либо в принципе отсутствует применимое правило. Понятно, что при таких обстоятельствах возникает пространство для нормативного маневра: можно как создать новое правило, так и сделать выбор между конкурирующими вариантами толкования представленной нормы. И поскольку у субъекта, принимающего решение, появляются альтернативы, то для получения адекватного нормативного результата особую востребованность приобретают аргумент к последствиям, аргумент к согласованности (когерентности) и аргумент к последовательности, которые поочередно выделяются Н. Маккормиком.

Аргумент к последствиям приобретает вес в юридическом дискурсе ввиду того, что при возможности дать нормативному положению различные варианты толкования требуется – в интересах прежде всего правовой определенности – сделать выбор в пользу одного из них. И этот выбор предлагается делать, исходя из результатов сопоставления практического эффекта, к которому приводят конкурирующие варианты толкования, и сравнения их правовой ценности. Н. Маккормик признает, что аргумент к последствиям, по существу, носит оценочный характер, поскольку предполагает анализ допустимости или недопустимости тех или иных последствий (MacCormick 2005: 105). При этом критериями оценки выступают соображения справедливости и здравый смысл, а также основополагающие конституционные принципы (MacCormick 2005: 139).

Что касается типов последствий, имеющих юридическое значение и подлежащих учету, то речь идет как о конкретных фактических последствиях того или иного нормативного решения, так и о последствиях экстраполяции соответствующих правовых подходов на гипотетические дела, которые будут возникать в случае принятия того или иного нормативного решения (Sopiński 2019: 70).

В то же время, как отмечает Н. Маккормик, учета одних лишь последствий недостаточно. Поскольку юридическое толкование влечет выявление новых нормативных смыслов, должна быть обеспечена согласованность (англ. *coherence*) элементов правопорядка. Оценка степени и качества этой согласованности (связанности), по мнению Н. Маккормика, осуществляется с помощью аргумента к правовым принципам и аргумента по аналогии.

Смысл апеллирования к принципам права заключается в том, что в случае применимости какого-либо принципа «к предмету законодательного положения предпочтение следует отдавать тому толкованию законодательного положения, которое в наибольшей степени соответствует общему принципу или принципам» (MacCormick 2005: 130). Иными словами, данный аргумент требует удостовериться, что выводимое правило гармонизировано с исходными правовыми идеями и является их конкретизированным продолжением. В этом смысле общеправовые принципы становятся важным ориентиром в нахождении наиболее адекватного с правовой точки зрения нормативного решения. При этом важно иметь в виду, что обращение к правовым принципам может и не давать удовлетворительного интерпретационного результата, поскольку применимыми могут оказаться два или несколько конкурирующих принципов. В такой ситуации, как ни странно, требуется вновь привлечь аргументы к последствиям, с тем чтобы посредством артикулирования и взвешивания утилитарных соображений сформулировать нормативное решение, которое в наибольшей степени отвечает всем релевантным принципам.

Что касается *аргумента к аналогии*, то здесь согласованность (связанность) правовых предписаний обеспечивается за счет того, что с его помощью определяется необходимость распространения имеющегося правила на пока неурегулированные отношения (в том числе ввиду схожести фактов, при наличии которых это правило применяется), что позволяет избежать

необоснованной дифференциации в правовом регулировании (MacCormick 1978: 192). Здесь принципиально важно отметить, что, согласно Н. Маккормику, обоснование нормативного решения должно отвечать требованиям универсализации (MacCormick 2005: 97-98), а потому любые исключения из обосновываемого правила требуют дополнительного обоснования (приведения объективных оснований для различения).

Наконец, Н. Маккормик выделяет *аргумент к последовательности*, отмечая, что успешные аргументативные усилия должны в конечном счете приводить к выстраиванию непротиворечивой системы правовых предписаний. Это означает, что перед формулированием нормативного положения важно понимать содержание действующих правовых норм во избежание появления конфликтующих правовых предписаний (MacCormick 1978: 196).

В целом отличие аргумента к последовательности от аргумента к согласованности в смысле когерентности состоит в том, что последний аргумент предполагает обеспечение соответствия конструируемого предписания общим принципам, то есть нормативным положениям общего характера, в то время как первый аргумент требует обеспечения его гармонизации со всей совокупностью правовых предписаний.

В последующем Н. Маккормик разработал и представил полноценную типологию аргументации, выделив три категории интерпретативных аргументов.

Первую категорию составляют *лингвистические аргументы*, «которые апеллируют к самому лингвистическому контексту как источнику доводов в пользу того или иного толкования». Речь идет об апелляции к «простому значению» слов (англ. *plain meaning*), используемых в «обычном языке» (MacCormick 2005: 125). Объясняя, отчего по общему правилу необходимо апеллировать именно к обычному значению использованных слов и выражений, автор отмечает, что правотворческий орган обязан использовать «настолько понятный для граждан язык, насколько это возможно», с тем чтобы «предотвратить ретроактивное придание судьями действующим законодательным актам нового смысла» и «обеспечить фундаментальный принцип справедливости» (MacCormick 2005: 126).

Вторую категорию составляют *системные аргументы*. Она подразумевает «рассмотрение правовой системы как особого контекста авторитетного текста, с тем чтобы понять, как лучше всего осмыслить его [авторитетный текст] в этом контексте» (MacCormick 2005: 124). Важность выделения данной категории аргументов продиктована тем, что правопорядок складывается из сложной иерархической системы нормативных предписаний, образующих самостоятельный контекст и которая должна отвечать требованиям последовательности и согласованности ее элементов. По мнению Н. Маккормика, обеспечение такого качества правопорядка осуществляется путем апеллирования к шести видам аргументов: аргументу к контекстуальной гармонизации, аргументу к прецеденту, аргументу по аналогии, концептуальному аргументу, аргументу к общим принципам и историческому аргументу (MacCormick 2005: 128-132). Их целесообразно рассмотреть отдельно.

Аргумент к контекстуальной гармонизации (англ. *argument from contextual harmonization*) означает, что нормативные положения всегда должны помещаться в общий регулятивный контекст и «любые спорные правила следует толковать в свете всего статута или совокупности связанных с ним нормативных актов» (MacCormick 2005: 128). При этом, судя по приводимым автором примерам, правовой контекст, на фоне которого должно определяться смысловое содержание спорного правила, образуют не только действующие нормативные предписания, но и ранее действовавшее регулирование (MacCormick 2005: 128). Это вполне разумно, поскольку имевшиеся нормативные предписания позволяют определять тенденции правового регулирования и степень последовательности правотворческих органов, что особенно важно для достижения целей конституционного правосудия.

Аргумент к прецеденту предполагает, что «если законодательное положение ранее подвергалось судебному толкованию, оно должно быть истолковано в соответствии с толкованием, данным ему другими судами» (MacCormick 2005: 128). Признавая, что в разных правовых порядках судебное толкование имеет разный нормативный вес (в одних выступает самостоятельным источником права, в других – лишь источником аргументации), Н. Маккормик отмечает, что стремление учитывать судебное толкование имеет общее объяснение: последовательная реализация нормативного положения, согласно приданному ранее судебному толкованию, позволяет обеспечить справедливость, равноправие и должный уровень правовой определенности, а также необходимую «экономия усилий» судей и юристов (MacCormick 2005: 143-144).

Аргумент по аналогии востребован в связи с тем, что он также обеспечивает реализацию обозначенных правовых ценностей. В этом смысле аналогия является обратной стороной медали последовательности и важна для обеспечения равноправия и применения одинаковых правил к схожим отношениям (MacCormick 2005: 129).

Далее Н. Маккормик выделяет *концептуальный аргумент*, отмечая, что в правовых системах, на которые сильное влияние оказали труды Ф.К. Савиньи, данный аргумент известен как логический аргумент (MacCormick 2005: 130). Его суть в том, что «если при формулировании законодательного положения используется какая-либо признанная и доктринально разработанная общеправовая концепция, ее следует интерпретировать таким образом, чтобы обеспечить последовательное использование этой концепции во всей системе как целом» (MacCormick 2005: 130). Понятно, что здесь может быть определенная автономность понятий в зависимости от отраслевой принадлежности, а также от принадлежности юрисдикции к конкретной правовой традиции.

Кроме того, автор выделяет *аргумент к общим принципам*, который, как уже отмечалось, означает необходимость толковать нормативное положение так, чтобы обеспечить наибольшее соответствие и согласованность предписания с этими принципами (MacCormick 2005: 130). *Исторический аргумент* подразумевает, что нормативное положение «должно толковаться

таким образом, чтобы его применение в конкретных случаях соответствовало исторически сложившемуся пониманию сути и цели» закрепившего его документа (MacCormick 2005: 130-131).

Очевидно, что все приведенные виды системных аргументов объединяет стремление обеспечить общую слаженность (согласованность) правового регулирования.

Наконец, третью категорию интерпретативных аргументов составляют *телеолого-оценочные аргументы* (англ. *teleological-evaluative arguments*), предполагающие уяснение смысла нормативных положений исходя из целей, которые они преследуют (MacCormick 2005: 124). Действительно, как справедливо указывает Н. Маккормик, правотворческие акты «не появляются случайным образом» и, как правило, направлены на исправление «существующего дефекта в праве» для искоренения определенного зла (MacCormick 2005: 132).

При этом любопытно, что за рамки трех обозначенных категорий Н. Маккормик выводит *аргумент к правотворческим намерениям* и характеризует его как транскатегориальный тип аргументов. Такой подход вполне оправдан с учетом того, что содержание правотворческих намерений может выводиться путем анализа и лингвистических особенностей представленного нормативного текста, специфики использованной терминологии в правовом контексте, и содержания «целей и ценностей, которые должны быть реализованы посредством законодательства» (MacCormick 2005: 125).

Типология аргументов У. Хуна

Интересная типология была предложена У. Хуном, который выделяет пять типов аргументов: аргумент к тексту, аргумент к намерениям, аргумент к прецеденту, аргумент к традициям и политико-правовой аргумент. Следует отметить, что У. Хун не вкладывает в первые три типа аргументов какого-либо особого содержания, которое отличалось бы от общепринятого понимания. Поэтому есть смысл сосредоточиться на последних двух – *традиции* и *политико-правовых соображениях* (англ. *policy*).

Раскрывая юридическую значимость традиций для американского правопорядка, У. Хун отмечает, что «общее право не подразумевало инкорпорирование мудрейших или самых просвещенных социальных практик. Вместо этого оно отражало обычаи людей и традиции общества» (Huhn 2014: ch. 6, para 1). В юридическом дискурсе данный тип аргумента используется прежде всего для того, чтобы выявить и определить степень укорененности того или иного права в обществе. У. Хун приводит примеры, когда со ссылкой на это соображение отвергались попытки добиться придания конституционного статуса однополым отношениям, праву на получение помощи в самоубийстве и т.д. (Huhn 2014: ch. 6, para 2). Автор также приводит примеры, когда утверждения о традициях становились фактором, влияющим на решение вопросов федерализма и определение конституционных полномочий должностных лиц, в частности президента США (Huhn 2014: ch. 6, para 3-6).

Главный вопрос, который возникает, – можно ли рассматривать традиции в качестве самостоятельного фактора, выражающего конституционную модальность? Примеры, приводимые У. Хуном, показывают, что юридическая значимость учета традиции все равно основывается на конституционном тексте. Действительно, важность традиций для конституционного нормоконтроля стала очевидной только после того, как Верховный суд США, опираясь на системное толкование конституционных норм, указал, что для признания какого-либо права основным оно, среди прочего, должно быть «укорененным в традиции и сознании народа»¹.

В то же время нужно признать, что в некоторых правовых сферах традиции могут иметь важное юридическое значение, выступая стандартом и правовым основанием принятия правоприменительных решений, примеров чего достаточно много на практике (Huhn 2014: ch. 6, para 7-11).

Выделяя политико-правовые аргументы, У. Хун отмечает, что их отличительной чертой выступает консеквенциалистская природа: «[Е]сли первые четыре типа аргументов апеллируют к [самим по себе] авторитетным источникам», то политико-правовой аргумент во главу угла ставит достижение «определенного положения дел», приемлемого и желательного с правовой точки зрения (Huhn 2014: ch. 7, para 1). В этом смысле «аргументы к тексту, намерениям, прецеденту и традициям главным образом ищут указания в прошлом, тогда как политико-правовые аргументы ищут подтверждение в будущем» (Huhn 2014: ch. 7, para 1).

Обращаясь к истории развития политико-правового подхода к юридической аргументации, У. Хун прослеживает генезис политико-правового анализа как практики и обнаруживает ее тесную связь с античной телеологией, британской школой утилитаризма и американской школой прагматизма (Huhn 2014: ch. 7, para 7-8). Кроме того, он исследует внедрение политико-правовых соображений как явления в юридический дискурс, а также какую роль в этом сыграли представители правового реализма. В целом заслуживает поддержки вывод о том, что легитимация данного типа аргументов в юридическом дискурсе была обусловлена стремлением преодолеть недостатки правового формализма и четче артикулировать реальные причины, побуждающие принимать те или иные нормативные решения в рамках судебной деятельности (Huhn 2014: ch. 7, para 14-29).

Далее автор исследует структуру политико-правового аргумента и отмечает, что политико-правовой анализ осуществляется в два этапа. На первом этапе формулируется прогностическое утверждение (как правило, посредством описания последствий того или иного толкования нормативного положения), на втором этапе это утверждение сопровождается соответствующей оценкой (Huhn 2014: ch. 7, para 30).

Сложности первого этапа, по мнению У. Хуна, связаны прежде всего с тем, что речь идет о фактических утверждениях, которые касаются не просто спорящих сторон, а затрагивают более широкий контекст. Неслучайно

¹ U.S. Supreme Court. *Palko v. Connecticut*. 302 U.S. 319 (December 6, 1937). United States Supreme Court Reports. 1937. Vol. 302. P. 503 (Huhn 2014: ch. 6, para 2).

автор дает подробное описание так называемым законодательным фактам (англ. *legislative facts*) (Чирнинов 2017: 96-99), обозначает ключевые отличия от судебных фактов (англ. *adjudicative facts*), и указывает на особенности их установления, в том числе путем обращения к правилам о судебной осведомленности (англ. *judicial notice*) (Huhn 2014: ch. 7, para 31-37).

Сложности второго этапа заключаются в том, что порой бывает крайне трудно определить, какой правовой эффект является наиболее желательным. Среди прочего, это может быть следствием того, что право преследует конкурирующие цели, а потому требуется отдавать предпочтение той или иной ценности в зависимости от контекста (Huhn 2014: ch. 7, para 41).

Основной вклад У. Хуна в теорию юридической аргументации состоит в том, что он обозначил требования к конструированию убедительных аргументов, рассмотрел ситуации конкуренции разных типов аргументов между собой и обобщил наиболее часто встречающиеся способы атаки на них. Это позволило увидеть, какие факторы влияют на весомость аргумента конкретного типа и насколько контекстуально зависимым является процесс аргументации в целом.

Типология аргументов А. Якаба

Одним из ведущих специалистов в области конституционно-судебной аргументации является венгерский правовед А. Якаб. Проанализировав и обобщив практику обоснования решений европейских конституционных судов, он предложил свою типологию конституционных аргументов. В ее основе лежит различие между аргументацией и толкованием. Автор подчеркивает, что обоснование конкретного смысла конституционных положений всегда сопровождается приведением аргументов в пользу того или иного варианта толкования. В то же время он отмечает, что конкретные конституционно-судебные решения могут основываться на аргументах, не предполагающих уяснения и разъяснения смысла нормативных положений. Исходя из этого, автор делит конституционные аргументы на *интерпретативные* и *неинтерпретационные*. Если к первой группе относятся утверждения, которые помогают понять содержание нормативного текста, то вторая группа аргументов включает аргументы по аналогии, а также доводы, (1) касающиеся определения действительного текста конституции и (2) его применимости в конкретных ситуациях (Jakab 2013: 1219-1224).

Как отмечалось, А. Якаб относит аргумент по аналогии к аргументам *неинтерпретационного* характера. Он утверждает, что конституционная норма могла вовсе не предполагаться к применению к спорным отношениям, однако в свете фундаментальных принципов ее применение становится конституционно необходимым. «Аналогия – это не метод толкования, а скорее способ применения правила, которое, конечно, тоже должно быть истолковано для того, чтобы его можно было использовать, но которое на самом деле не распространяется на конкретный случай» (Jakab 2013: 1221). В такой парадигме обоснование аналогичности, безусловно, требует

не выявления смысла конституционной нормы, а демонстрации причин, почему ее стоит применять в конкретной ситуации.

Вторую группу аргументов, не связанных с толкованием, составляют аргументы, касающиеся установления действительного текста конституции. Под ними А. Якаб подразумевает доводы, позволяющие определить, какая конституция является действующей. Подобные вопросы могут возникнуть, например, в период смены режимов, а также при оценке юридической силы конституционных поправок (Jakab 2013: 1222).

Наконец, третья группа аргументов неинтерпретационного характера связана с обоснованием неприменимости конституционных положений. Это может быть обусловлено чрезмерной политизированностью поднимаемого вопроса (Jakab 2013: 1221; Чирнинов 2020) или же экстраординарностью чрезвычайного положения. При этом автор уточняет, что в последнем случае речь идет лишь о ситуациях, когда под угрозой находится само существование государства. Если же необходимо применять конституционные нормы о чрезвычайном положении, то аргументы, безусловно, будут интерпретационными (Jakab 2013: 1222-1223). Отнесение аргумента о неприменимости конституционных положений к разряду неинтерпретационных аргументов можно признать обоснованным, поскольку он связан с решением вопроса, который действительно предшествует деятельности по толкованию.

Говоря об интерпретативных аргументах, А. Якаб выделяет четыре основных их типа: лингвистические (грамматические, текстуальные) аргументы, системные аргументы, оценочные аргументы и доктринальные аргументы, в том числе сравнительно-правовые (Jakab 2013: 1254).

Применительно к лингвистическим аргументам автор отмечает, что «данный метод часто используется, когда конституционный суд желает решить вопрос без обращения к другим методам» (Jakab 2013: 1231) – с опорой лишь на имеющийся нормативный текст.

Под системными аргументами понимаются аргументы, которые формируют правовой контекст. К таковым А. Якаб относит прежде всего контекстно-гармонизирующие аргументы, суть которых в том, чтобы выводить смысл конституционных норм через «обращение к другим правовым нормам» того же порядка, учитывая в том числе заголовки и названия разделов (глав) конституции (Jakab 2013: 1231). К данному типу аргументов также относятся суждения, увязывающие необходимость толковать конституционные нормы в свете базовых положений конституции (основ конституционного строя), а также принципов и норм международного права (Jakab 2013: 1233-1234). Определяя легитимирующее основание данного типа аргументов, автор упоминает выработанные в доктрине немецкого конституционного права принцип единства конституции (нем. *prinzip der Einheit der Verfassung*), предполагающий необходимость толкования одних конституционных положений в соответствии с другими таковыми, и принцип практического соответствия (нем. *praktische Konkordanz*), который означает, что «конкуренция между общими положениями (принципами) должна разрешаться путем практического примирения, то есть нахождения

компромисса, а не по принципу “все или ничего”» (Jakab 2013: 1234). Также в контексте перечислений, содержащихся в конституциях, автор упоминает, среди прочего, принцип *noscitur a sociis* (неизвестное может быть познано через обращение к сопутствующему) и принцип *eiusdem generis* (правило подобия), а также принцип строгого толкования исключений (лат. *exceptio est strictissimae interpretationis*) (Jakab 2013: 1234).

В категорию системных аргументов А. Якаб также включает ссылки на конституционно-судебные решения, в которых содержатся результаты толкования конституции. Признавая, что степень приверженности к ранее принятым конституционно-судебным решениям варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной правовой традиции, автор тем не менее учитывает их по соображениям равенства («аналогичные дела должны разрешаться аналогичным образом») и правовой определенности («граждане должны иметь возможность доверять стабильности правовой системы и [ожидать], что конституционный суд отменит свое предыдущее решение только в том случае, если на то будут веские причины») (Jakab 2013: 1236).

Ценным наблюдением венгерского правоведа является то, что в контексте конституционного нормоконтроля нужно различать полноценные решения, которые подробно раскрывают содержание конституционных положений, и решения, которые приняты *per incuriam* без детального анализа правовой проблемы (Jakab 2013: 1236). Как нетрудно догадаться, аргументативная ценность последних весьма посредственна, и это обстоятельство имеет важное значение с точки зрения реализации немонотонности конституционно-судебной аргументации (Чирнинов 2023).

Помимо контекстно-гармонизирующих аргументов и аргументов к прецеденту, А. Якаб выделяет *толкование конституции в свете доктринальных концепций и принципов* (Jakab 2013: 1239). Здесь он сразу оговаривает, что для методологической корректности важно, чтобы соответствующие концепции были нормативно закреплены в конституции. Суть данного аргументативного подхода заключается в раскрытии юридического содержания использованных в конституции понятий с опорой на доктринальные разработки (Jakab 2013: 1240).

Завершает категорию системных аргументов «лингвистико-логические формулы, основанные на [конституционном] умолчании» (Jakab 2013: 1240). Характерной особенностью соответствующих рассуждений является апеллирование не к тексту, а скорее к особенностям использованных формулировок и отсутствию предписаний конкретного рода. В качестве правовых принципов, легитимирующих данный тип аргументов, А. Якаб выделяет такие принципы, как *expressio unius exclusio alterius* (выражение одного означает исключение другого), *qui de uno dicet, de altero negat* (утверждение одного означает отказ от другого) и др. (Jakab 2013: 1240).

Другую крупную группу аргументов формируют *оценочные аргументы*. Причиной для объединения аргументов в данную группу выступает то, что своим основанием они имеют суждения, выходящие за пределы правового контекста и которые «отсылают не к самому правовому положению или его правовому контексту, а к его субъективному и объективному намерению или

цели, или даже, надо отметить, к неправовым, то есть моральным, социологическим или экономическим, соображениям» (Jakab 2013: 1241). А. Якаб справедливо отмечает, что аргументы, относящиеся к данной группе, содержат «более очевидные оценочные элементы, нежели две предыдущие группы [аргументов]» (Jakab 2013: 1241).

Объективно-телеологические аргументы выводят конкретное понимание конституционной нормы через тезис о том, что это понимание «корреспондирует объективной цели данной нормы». Как указывает А. Якаб, «объективная цель может выводиться напрямую из текста, то есть из его заглавия или преамбулы, или косвенно на его основе, исходя из предполагаемого намерения абстрактного автора». При этом в разных правопорядках данный тип аргументов получает легитимацию через соответствующие методы толкования: в немецком праве – с помощью объективно-телеологического толкования (нем. *objektiv-teleologische Auslegung*), в странах общего права – посредством целевого толкования (англ. *purposive interpretation*), а во французском праве – с применением телеологического метода (фр. *méthode téléologique*) (Jakab 2013: 1241).

Субъективно-телеологические аргументы подразумевают апеллирование к намерениям конституционного законодателя путем обращения к подготовительным материалам разработки конституции. При этом данный тип аргументов может быть подразделен на два подтипа. С одной стороны, речь может идти о первоначальных намерениях, которые имелись в конкретный исторический момент, когда принималась конституция. С другой стороны, речь может идти о том, что мог бы сказать конституционный законодатель в изменившихся социально-исторических условиях (Jakab 2013: 1246).

Завершают группу оценочных аргументов *субстантивные аргументы*, когда для выявления смысла конституционных положений осуществляется обращение к неправовым (моральным, социологическим, экономическим) доводам (Jakab 2013: 1250). Как отмечает автор, подобные аргументы востребованы в «делах, связанных с довольно абстрактными общими или абстрактными ценностно-нагруженными положениями», когда «другие аргументы не помогают или когда они приводят к противоречивым выводам, и нужно сделать выбор» (Jakab 2013: 1250).

А. Якаб также выделяет сравнительно-правовые аргументы. Помимо упоминания положения Конституции ЮАР, позволяющего в целях конституционного контроля учитывать зарубежный опыт, автор обобщает причины неуклонного роста популярности данной формы аргумента: глобализация, появление международных судов, где происходит взаимопроникновение правовых культур, и восприятие роли судей как защитников ценностей конституционализма (Jakab 2013: 1253). К сложностям использования подобных аргументов он относит проблему легитимности, а также методологическую проблему, связанную с пригодностью тех или иных подходов ввиду различий в социальных контекстах разных государств (Jakab 2013: 1253).

3. Наблюдения относительно представленных типологий аргументов в контексте конституционного правосудия

Очевидно, что ни одна типология аргументов не может быть исчерпывающей. Задача любой типологии – представить наиболее важные явления в определенной области. В данном случае следует говорить о типах аргументов, которые наиболее часто встречаются в конституционном дискурсе и оказывают значительное влияние на формирование суждений о конституционности. Примечательно, что проанализированные типологии, несмотря на различия в акцентах и названиях, во многом совпадают. Их объединяет то, что юридические аргументы используются для рассуждений о должном, то есть направлены на выявление смыслов, заложенных в нормативных текстах.

Оценивая, насколько выделенные типы аргументов подходят конституционному правосудию, важно помнить, что их главная цель – помочь определить, какого рода суждения легитимны для конституционного дискурса и могут быть использованы в качестве исходных пунктов конституционно-судебной аргументации. В этом контексте каждый тип аргументов становится инструментом для выражения соответствующей конституционной модальности и защиты ценностей, на которых она основывается.

Теперь можно проанализировать, насколько обоснованно авторы выделяют отдельные типы аргументов, и оценить, насколько они пригодны для конституционно-судебного контроля. Это позволит выделить типологию аргументов в конституционном правосудии и подготовить почву для дальнейшего изучения феномена аргументативных операций и разработки критериев оценки конституционно-судебной аргументации.

Применительно к типологии конституционных аргументов Ф. Боббитта следует отметить, что автор внес значительный вклад в развитие теории конституционно-судебной аргументации. Его типология получила широкое распространение в юридической доктрине и стала основой для дальнейших исследований в этой области юридической аргументации. Однако, как и любая другая авторская работа, предложенная типология не лишена некоторых недостатков.

Прежде всего, представляется излишним выделение структурного аргумента, по крайней мере в том смысле, в каком его выделяет Ф. Боббитт. Поскольку принципы федерализма и разделения властей закреплены в виде текста, можно уверенно утверждать, что данный тип аргументов, по сути, охватывается текстуальным аргументом. Это справедливо и в ситуациях, когда необходимо соотносить между собой различные конституционные положения, разграничивающие предметы ведения и полномочия, а также соответствующие положения из разных глав и разделов конституции. Более того, многие конституционные споры, касающиеся распределения полномочий между различными властными структурами, требуют обращения к соображениям последовательности, что предполагает оперирование другим самостоятельным типом аргументов (аргументом к последовательности).

Также представляется необоснованным выделение в типологии А. Якаба умолчания как формы аргумента. По сути, умолчание представляет собой способ выражения мысли через отсутствие текста. Установление наличия квалифицированного умолчания всегда требует обращения к другим нормативным документам, а потому умолчание также должно рассматриваться в рамках текстуального аргумента. Кроме того, важно учитывать, что умолчание может выражать правотворческую волю и выступать в качестве интенционального аргумента. Такие же рассуждения о принадлежности к категории текстуального аргумента справедливы и для концептуального аргумента Н. Маккормика, поскольку соответствующие понятия приобретают свое конституирующее значение именно благодаря закреплению в основном законе.

Дискуссионным представляется выделение исторического аргумента. Многие авторы вкладывают в него смысл, выходящий за рамки суждений о намерениях тех, кто разрабатывал и принимал конституцию. В частности, они подразумевают суждения о социально-исторических условиях, в которых принимался тот или иной акт. Между тем релевантный контекст должен анализироваться и определяться в непосредственной связи с текстуальным аргументом. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, фактические обстоятельства обретают свойство относимости именно благодаря нормативным текстам. С другой стороны, конкретные нормативные предписания всегда являются реакцией на необходимость упорядочить общественные отношения, которые складываются в конкретных социально-исторических условиях. Кроме того, как известно, недопустимо какой бы то ни было текст толковать в отрыве от контекста. К слову, по этой причине этические аргументы, к числу которых Ф. Боббитт относит особый дух народа, также будут формировать контекст, обязательный для учета при толковании конституционного текста.

Также стоит отметить, что под историческим аргументом нередко понимаются суждения, описывающие ранее существовавший нормативный контекст (см. подход Р. Алекси). Однако в разрезе конституционного нормоконтроля, по-видимому, уместнее говорить об аргументе к последовательности, поскольку содержание ранее действовавшего права необходимо в первую очередь для оценки степени последовательности или хаотичности действий правотворческих органов, определения нормотворческих приоритетов и т.д.

Таким образом, после проведенной редукции остается компонент, связанный с правотворческими намерениями. Поэтому можно поддержать терминологический выбор Р. Фэллона, который выделяет именно аргумент к намерениям. Для целей конституционного правосудия его можно назвать интенциональным аргументом, подчеркивая значимость как конституционных, так и правотворческих намерений для проверки конституционности нормативных положений.

Типологии аргументов Р. Фэллона и А. Якаба объединяет то, что оба автора выделяют аргументы, основанные на юридической теории, полагая, что конституционные положения необходимо толковать в свете соответ-

ствующих правовых понятий, концепций, конструкций и доктрин. Однако для целей конституционного нормоконтроля выделение данного типа аргументов не совсем оправдано, так как обращение к теоретическим разработкам все равно предполагает опору на нормативный текст. Кроме того, обращение к этим разработкам становится возможным лишь потому, что соответствующие понятия и концепции закреплены в тексте конституции. Использование же теоретических постулатов в отсутствие соответствующих конституционных положений фактически означало бы осуществление органом конституционного правосудия конституционного правотворчества, на что он, разумеется, не уполномочен.

Крайне полезным является выделение аргумента к институциональной компетентности. Особенно учитывая, что в силу доктрины *competence-competence* органы конституционного правосудия во многом сами определяют границы своих полномочий. Выделение Д. Кеннеди такого типа аргументов согласуется с подходом А. Якаба, который обозначает аргумент, позволяющий обосновывать неприменимость конституционных положений из-за чрезмерной политизированности рассматриваемого вопроса (Jakab 2013: 1222), а также с подходом Ф. Боббитта, который отмечает, что посредством аргумента к благоразумию определяется полномочность органа конституционного правосудия рассматривать дело (Bobbitt 1991: 63). Ввиду своей многогранности и неинтерпретационной природы данный вид аргумента, безусловно, требует отдельного внимания и анализа (Чирнинов 2020).

Также представляется целесообразным отказ от выделения традиционного аргумента. В контексте конституционного нормоконтроля значимость соответствующих соображений определяется прежде всего с опорой на текстуальный и интенциональный аргументы. Очевидно, что сами по себе размышления о традициях не являются достаточным основанием для принятия конституционно-судебных решений: они приобретают свой аргументативный вес благодаря конституционным положениям, через которые традиции, по меткому выражению Ф. Боббитта, канализируются в правовое регулирование (Bobbitt 1984: 36). Кроме того, традиции могут формировать соответствующий социальный контекст, который может учитываться при оценке эффективности того или иного регулирования в свете существующих традиций. Подобные рассуждения справедливы и в отношении ценностного аргумента Р. Фэллона в части наполнения оценочных понятий, содержащихся в конституции, конкретным смыслом.

Также излишне выделение системного аргумента, по крайней мере, в том виде, в каком его описывает Н. Маккормик. По своей сути, он вполне укладывается в рамки текстуального анализа, особенно когда речь заходит о соотношении различных правовых предписаний в рамках одного или нескольких нормативных актов, о выявлении общих и частных нормативных положений и т.д. Очевидно, что соотношение исследуемых правовых норм можно объяснить с помощью текстуального аргумента. Кроме того, свойство системности права во многом обеспечивается за счет аргументации, которая апеллирует к последовательности.

В связи с этим представляется целесообразным выделять аргумент к последовательности. Как показывает анализ дискурса, данный тип аргументов охватывает широкий спектр рассуждений. Он включает в себя уважение прецедентных начал права и постоянства судебной практики (англ. *jurisprudence constante*), использование аналогии, применение контекстно-гармонизирующих суждений и соблюдение правомерных ожиданий. Сюда также можно отнести рассуждения о ранее действовавших нормативных актах, анализ которых помогает понять вектор и тенденции правового регулирования. Сюда же хорошо вписываются сами системные аргументы. Как убедительно показал Н. Маккормик, основная цель системных аргументов, направленных на обозначение правового контекста, заключается в обеспечении последовательности в праве. Поэтому логичнее отнести этот вид аргумента к аргументу к последовательности.

Наконец, заслуживает внимания прагматический аргумент. Почти все рассмотренные типологии содержат элементы, которые отдают предпочтение определенному пониманию нормы, исходя из соображений ее правовой эффективности. Например, в типологии Н. Маккормика присутствует аргумент к последствиям, в типологии А. Якаба – субстантивный аргумент, в типологии Р. Фэллона – ценностный аргумент, в типологии Д. Кеннеди – аргумент к социальному благополучию и аргумент к практичности, в типологии Ф. Боббитта – аргумент к благоразумию, а в типологии Р. Хуна – политико-правовые аргументы. Выбор термина «прагматический» подчеркивает, что данный аргумент акцентирует внимание на конституционной полезности правового регулирования и необходимости поиска наиболее действенного с точки зрения конституции варианта толкования нормы.

С учетом изложенного для дальнейшего предметного анализа проблем, связанных с конституционно-судебной аргументацией, можно выделить четыре основных типа конституционных аргументов: текстуальный аргумент, интенциональный аргумент, аргумент к последовательности и прагматический аргумент.

Заключение

Каждый тип аргументов тесно связан с определенной конституционной модальностью и служит для извлечения нормативных смыслов из конституционных положений. Поскольку аргументы отражают и отстаивают определенные ценности, их значимость зависит не только от социального и юридического контекста, в котором оценивается конституционность правовой нормы, но и от того, какие ценности являются приоритетными для судей и каких юридико-методологических установок они придерживаются. Это важно учитывать при выборе аргументов и опровержении в первоочередном порядке наиболее весомых доводов, представленных противоположной стороной.

Правильная типологизация аргументов необходима для обеспечения легитимности конституционного правосудия и наиболее полного раскры-

тия нормативного потенциала конституционного текста. Хотя сами по себе типологии не определяют силу аргументов, они предоставляют набор аргументов, которые можно сравнивать друг с другом в различных нормативных контекстах.

Тщательно разработанные типологии аргументов представляют собой мощный инструмент для понимания динамики аргументативных споров. Они позволяют нам взглянуть на процесс аргументации как на процесс принятия решений. Анализируя, почему в одних ситуациях один тип аргументов оказывается более весомым, а в других – другой, можно выявить наиболее эффективные методы противодействия каждому из них. Понимание методологических принципов, регулирующих конкуренцию между различными типами аргументов в конкретных нормативных контекстах, значительно облегчает выбор эффективных стратегий для аргументации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лисанюк Е.Н. (ред.) 2018. Аргументация в праве и морали: колл. моногр. / под ред. Е.Н. Лисанюк. Санкт-Петербург : Издат. дом «Алеф-Пресс». 521 с.

Чирнинов А.М. 2017. Нельзя объять необъятное: предмет доказывания в конституционном судебном процессе (на примере России и США) // Сравнительное конституционное обозрение. № 3(118). С. 91–112. DOI 10.21128/1812-7126-2017-3-91-112.

Чирнинов А.М. 2020. Разрешение политических вопросов средствами конституционного правосудия: исходные пункты аргументации в сравнительно-правовой перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. № 4(137). С. 55–79. DOI 10.21128/1812-7126-2020-4-55-79.

Чирнинов А.М. 2022. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. № 3(148). С. 33–61. DOI 10.21128/1812-7126-2022-3-33-61.

Чирнинов А.М. 2023. «У Бога добавки не просят?» Немонотонность конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. № 5(156). С. 58–80. DOI 10.21128/1812-7126-2023-5-58-80.

Alexy R. 2011. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford : Oxford Univ. Press. 352 p.

Bobbitt Ph. 1984. Constitutional Fate: Theory of the Constitution. New York : Oxford Univ. Press. 304 p.

Bobbitt Ph. 1991. Constitutional Interpretation. Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA : B. Blackwell. 228 p.

Fallon Jr R.H. 1987. A Constructivist Coherence Theory of Constitutional Interpretation // Harvard Law Review. Vol. 100, № 6. P. 1189–1286.

Huhn W. 2014. The Five Types of Legal Argument. 3rd ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press. 248 p.

Jakab A. 2013. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. Vol. 14, № 8. P. 1215–1275. DOI <https://doi.org/10.1017/S207183220000225X>.

Kennedy D. 1994. A Semiotics of Legal Argument // Collected Courses of the Academy of European Law. Vol. 3, b. 2. P. 309–365.

MacCormick N. 1978. *Legal Reasoning and Legal Theory*. Oxford : Clarendon Press. 322 p.

MacCormick N. 2005. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford : Oxford Univ. Press. 304 p.

MacCormick N. 2008. *Practical Reason in Law and Morality*. Oxford : Oxford Univ. Press. 240 p.

Sopiński M. 2019. Neil McCormick's Theory of Legal Reasoning and Its Evolution // *Journal of the Polish Section of IVR*. Vol. 19, № 1. P. 63–78. <https://doi.org/10.36280/AFPiFS.2019.1.63ENG>.

References

Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2011, 352 p.

Bobbitt Ph. *Constitutional Fate: Theory of the Constitution*, New York, Oxford Univ. Press, 1984, 304 p.

Bobbitt Ph. *Constitutional Interpretation*, Oxford, UK, Cambridge, Mass., USA, B. Blackwell, 1991, 228 p.

Chirninov A.M. “Should One Not Ask God for More?”: The Non-Monotonicity of Constitutional Argumentation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2023, no. 5, pp. 58–80. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-5-58-80> (in Russ.).

Chirninov A.M. Embracing the Unembraceable: Facts at Issue in Russian and American Constitutional Litigation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2017, no. 3, pp. 91–112. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-3-91-112> (in Russ.).

Chirninov A.M. When Political Questions and Constitutional Justice Meet: The Starting Points of Argumentation in A Comparative Perspective, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2020, no. 4, pp. 55–79. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-4-55-79> (in Russ.).

Chirninov A.M. In Search of Relevant Arguments: The Structure of Constitutional Court Argumentation, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2022, no. 3, pp. 33–61. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-3-33-61> (in Russ.).

Fallon Jr R.H. A Constructivist Coherence Theory of Constitutional Interpretation, *Harvard Law Review*, 1987, vol. 100, no. 6, pp. 1189–1286.

Huhn W. *The Five Types of Legal Argument*. 3rd ed., Durham, North Carolina, Carolina Academic Press, 2014, 248 p.

Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective, *German Law Journal*, 2013, vol. 14, no. 8, pp. 1215–1275. <https://doi.org/https://doi.org/10.1017/S207183220000225X>

Kennedy D. A Semiotics of Legal Argument, *Collected Courses of the Academy of European Law*, 1994, vol. 3, no. 2, pp. 309–365.

Lisanyuk E.N. (ed.) *Argumentation in law and morality. Collective monograph*, St. Petersburg, Izdatelskij dom «Alef-Press», 2018, 521 p. (in Russ.).

MacCormick N. *Legal Reasoning and Legal Theory*, Oxford, Clarendon Press, 1978, 322 p.

MacCormick N. *Practical Reason in Law and Morality*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2008, 240 p.

MacCormick N. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, 304 p.

Sopiński M. 2019. Neil McCormick's Theory of Legal Reasoning and Its Evolution, *Journal of the Polish Section of IVR*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 63–78. <https://doi.org/10.36280/AFPiFS.2019.1.63ENG>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алдар Мункожаргалович Чирнинов
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права Уральского
отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0003-0766-4945;
ResearcherID: AAS-7634-2020;
SPIN-код: 850203;
E-mail: chir-aldar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aldar M. Chirninov
PhD in Law, Associate Professor, Senior
Researcher, Institute of Philosophy and
Law, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0003-0766-4945;
ResearcherID: AAS-7634-2020;
SPIN-code: 850203;
E-mail: chir-aldar@yandex.ru